

АРХИТЕКТУРА ЭРЕБУНИ РАННЕАРМЯНСКОГО ВРЕМЕНИ

Начальная эпоха исторической жизни Армении совпала с великодержавными стремлениями Мидии, а затем и мощного персидского государства. Этому государству, созданному Киром, а в дальнейшем значительно расширенному и усиленному Камбизом и Дарием, в конечном счете оказалась подвластна большая часть древнего мира. В числе стран, подпавших под власть Ирана, оказалась и Армения, недавно сменившая на арене истории Урарту и еще не представлявшая в связи с этим оформленного государства. И, несмотря на это, судя по смыслу строк Бехистунской надписи, Армения покорилась ахеменидскому Ирану лишь после тяжелых и упорных боев, лишь после пяти кровопролитных сражений, происшедших в течение всего лишь одного года. С этого времени и до падения ахеменидского Ирана Армения, как указывал Геродот, составляла 13-ю и 18-ю сатрапии этого государства.

Об Армении ахеменидского периода до нас дошли весьма отрывочные сведения, сообщаемые греческим историком Ксенофонтом. Ксенофонт в «Анабазисе» отмечает существование двух частей Армении. Согласно его сообщениям, при отступлении греков через Армению в ее западной части сатрапом был Оронт, или Ерванд, из династии Ервандидов, в восточной — Тирибаз⁴⁴. Как полагает Я. Манандян, главным в Армении был сатрап Оронт; Тирибаз же был его помощником⁴⁵. Оба они были связаны узами родства и дружбы с царем Артаксерксом и поэтому с их стороны не было видно даже попыток сопротивления ахеменидской власти.

Судя по территориальному делению иранских сатрапий в Армении, рассматриваемый нами Эребуни принадлежал к 18-й сатрапии. Мы не считаем, однако, возможным на данной стадии раскопок говорить об Эребуни как о центре этой сатрапии⁴⁶.

Нам кажется, что в «Анабасисе» можно найти довольно определенные сведения о центрах сатрапий. Так, Ксенофонт пишет, что, достигнув пределов Армении, греки стали переправляться через реку Кентрит, которая очерчивала южные границы страны. Далее он сообщает, что «та

⁴⁴ Ксенофонт. Анабасис. Изд. АН СССР. М.—Л. 1951. КН-IV. Гл. IV.

⁴⁵ Լ. Մանանդյան. Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հատոր Ա. Հայպետհրատ, Ի. Զ. Խ. Դ., էջ 65:

⁴⁶ Ի. Տիրացյան. Երվանդունիները Հայաստանում. «Հայկական ՍՍԻ ԳԱ Տեղեկագիր» (համարահայտ գիտություններ), 1958, № 6, էջ 53—71:

деревня, в которую они пришли, оказалась обширной, в ней находился дворец сатрапа». Таким образом, в этом месте, недалеко от южных границ Армении, находился центр 13-й сатрапии.

Затем, выйдя на север, греки дошли до реки Телебой и, пройдя отсюда еще 75 км, достигли дворца, вокруг которого было расположено много деревень. Ксенофонт, однако, ничего не говорит о том, что дворец этот принадлежал сатрапу. Лишь в дальнейшем, пройдя Евфрат на 13 парасангов (65 км) и совершив еще один трудный дневной переход (35 км), греки достигли села, в котором узнали от местных жителей, что сатрап находится от них на расстоянии одного парасанга, или 5 км. Следовательно, надо полагать, что центр другой сатрапии, или Восточной Армении, теперь уже находился, судя по соответствующим исчислениям, в районе современного Багавана. В связи с этим отпадает предположение об Эребуни как о центре 18-й сатрапии.

Но, с другой стороны, становится понятным, что город, находясь на важной магистрали и в силу своих наличных монументальных архитектурных сооружений, видимо оставался весьма крупным центром и в ахеменидскую эпоху, тем более, что в это именно время существовавшие там постройки соответственно реконструировались для дальнейшей и притом интенсивной исторической жизни.

Не мог ли Эребуни, созданный еще в урартскую эпоху как крупная военно-стратегическая база, отвечать и теперь тем же требованиям, но уже ахеменидов? Ведь Эребуни являлся важным и узловым пунктом ахеменидского Ирана в Армении и стоял на магистральных дорогах, что придавало ему важное стратегическое значение.

Обращая внимание теперь уже на культурный уровень обеих сатрапий Армении эпохи иранского владычества, акад. Я. Манандян устанавливает, исходя из описаний Ксенофонта, их определенное различие⁴⁷, которое выводит из архитектуры жилых домов Западной и Восточной Армении. В то время как в районе реки Кентрит греки видели в селах дома с башнями, у истоков Евфрата они сменились подземными домами с верхним отверстием наподобие расширяющихся книзу куполообразных форм. Дома описанного здесь типа, очевидно, являются прототипами впоследствии известных глхатунов с центральным перскрытием конструкции типа «азарашен». Такие дома в Армении строились в горных районах страны, в то время как в низменных районах они имели двор, как основу их плановой композиции⁴⁸. Можно в связи с этим думать, что греки проходили через горные районы Армении, минуя более богатые низменные районы страны⁴⁹. Поэтому сведения Ксенофонта об уровне

⁴⁷ Հ. Մանանդյան. Քենոֆոնի առաջին և երկրորդ զանգվածային շտաբը Ա, էջ 80:

⁴⁸ В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре. М. 1951.

⁴⁹ Возможно, что старшина, в данном случае проводник греческих войск, вел их по горным районам Армении умышленно обходя более богатые населенные пункты низменной части страны. Но замысел его, видимо, был раскрыт, поскольку он понес телесные наказания и в дальнейшем покинул греков, бежав из их лагеря.

культуры обеих сатрапий Армении не могут считаться полными. Теперь уже известно, хотя бы только по одним раскопкам Арин-берда, что архитектурно-строительный уровень сооружений Восточной Армении стоял на довольно высокой ступени своего развития. Так, мы знаем, что в эпоху ахеменидов в архитектуре Эребуни произошли значительные и коренные изменения, вызванные требованиями теперь уже новых условий. Эти изменения коснулись всех раскопанных до настоящего времени зданий цитадели древнего города. При этом эта реконструкция имела характер не ремонта и достроек, а коренным образом изменила архитектуру существовавших сооружений, придав им новое содержание.

В связи с произведенными в цитадели реконструкциями изменилась ее общая плановая композиция. Судя по последней, центром цитадели, как было сказано ранее, являлась площадь, на которую выходили монументальные сооружения, в том числе и храм бога Халди. Ахеменидская реконструкция этого храма фактически ликвидировала площадь цитадели, которая была полностью застроена. Цитадель Эребуни ахеменидского периода отличалась густотой своей застройки, что наблюдается также в Персеполе. Густота застройки и там мало выделяет отдельные монументальные сооружения из своего окружения, кроме некоторых, — ападаны Дария и столонного зала, имеющие, однако, ограниченные точки восприятия их форм. В остальном Персеполь имел замкнутые в себе большие внутренние пространства. В этих архитектурно-пространственных формах Персеполя ведущей является выдвинутая на первый план ападана — приемный зал ахеменидского царя, а не храм, как это было обычно для древнего мира. Это объясняется тем, что персы, приверженцы зороастризма, как поклонники священного огня, почитали его на алтарях, установленных высоко в горах, не имея специально построенных храмов. И теперь на горных вершинах у Персеполя стоят два алтаря. Священный огонь и в наши дни можно видеть по ночам на таких же горах, окаймляющих город Тебриз. Храм же, как архитектурная форма, был создан впоследствии, но в ту же ахеменидскую эпоху Ирана, примером чего является соответствующее сооружение в Сузах. Но и тогда храм не становится ведущей формой ахеменидского зодчества.

Обращаясь теперь снова к перестройкам Эребуни в ахеменидское время, находим здесь как ападану, так и храмы священного огня. Как и в Персеполе, ападана Эребуни оказалась на первом плане подчеркнута монументальной, хотя это ее расположение прежде всего обусловлено местом первоначального урартского храма.

В связи с этими реконструкциями примечательно, что урартские клинописи оставались в ансамбле этих новых зданий нетронутыми на своих прежних местах. Так, несмотря на то, что Susi вошел в состав нового храма, где почитался уже Ахурамазда, надписи с именем урартского бога Иушба уничтожены не были. Дело в том, что после установления в Иране единого культа бога Ахурамазды ахемениды терпимо относились к религии и богам завоеванных ими народов. Видимо, это вызывалось опасением возможных вспышек нежелательных конфликтов. Что касает-

ся Иубши, то этот бог тем более не должен был привлекать внимание ахеменидов, как принадлежащий религии, давно сошедшей с арены истории.

Обращаясь теперь к строительной технике урартских и ахеменидских сооружений, можно зафиксировать определенное различие между ними. Это различие разновременных воздвигнутых зданий касается архитектурной формы, их пропорций, абсолютных размеров и внешних качеств одного и того же материала.

Среди новых строительных конструкций постройки ахеменидского времени наиболее интересным является кирпичная арка — самая древняя из известных на территории Армении (рис. 57).

Является ли эта арка, как и конструкции остальных ахеменидских построек, делом рук ахеменидских мастеров, утверждать пока не представляется возможным. Известно, однако, что в рассматриваемое время ахеменидский Иран не имел архитектурно-строительных традиций, соответствующих по своему качеству архитектурно-строительной культуре возводимых замечательных построек в Пасаргадах, Персеполе или Сузах. Сказанное подтверждается сузской клинописью Дария I, в которой, говоря о строительстве дворца, он сообщает:

«Рабочие, которые тесали камень, были ионийцы и мидяне. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидяне и египтяне. Люди, которые делали... (?), были мидяне и египтяне. Люди, которые делали кирпич, были вавилонянами. Люди, которые орнаментировали стены, были мидяне и египтяне»⁵⁰.

В этом списке Дария I мы не видим персов, как строителей сузского дворца. Поэтому весьма вероятно, что и в Эребуни, далеко за пределами Ирана, при реконструкции стоявших там зданий ахемениды также не пользовались трудом мастеров своей страны. Надо учесть еще и то обстоятельство, что в Армении была в то время жива урартская строительная традиция и несомненно имелись опытные мастера-строители.

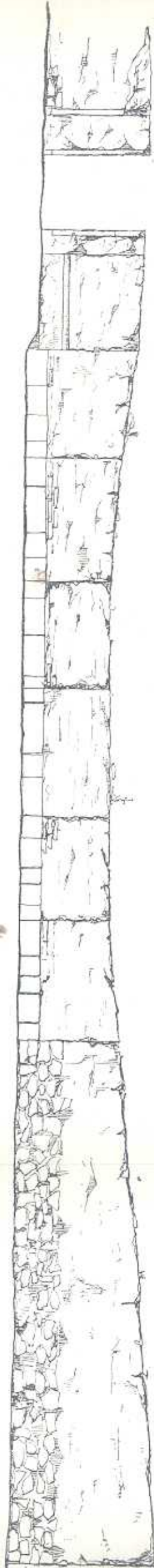
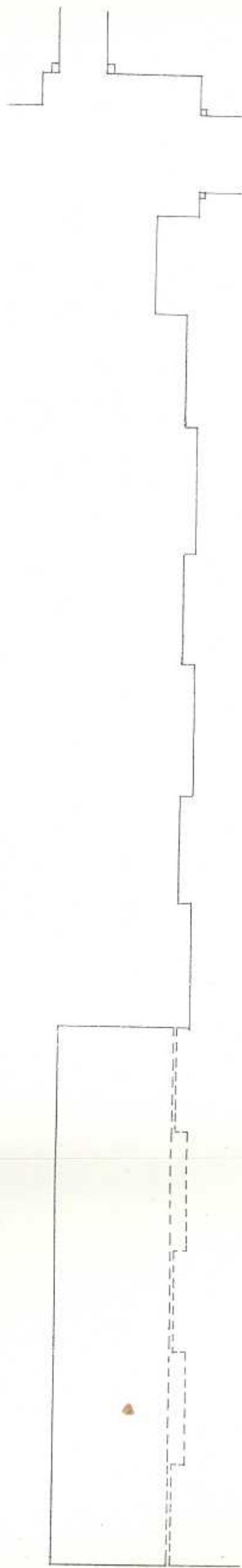
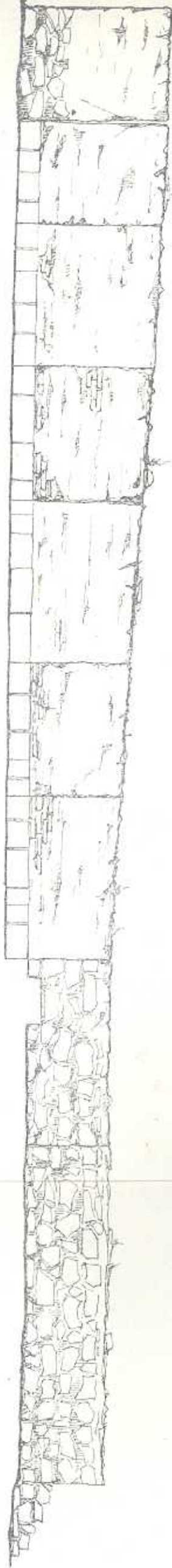
Переходим теперь к рассмотрению построек на Арин-берде, относящихся к ахеменидскому времени.

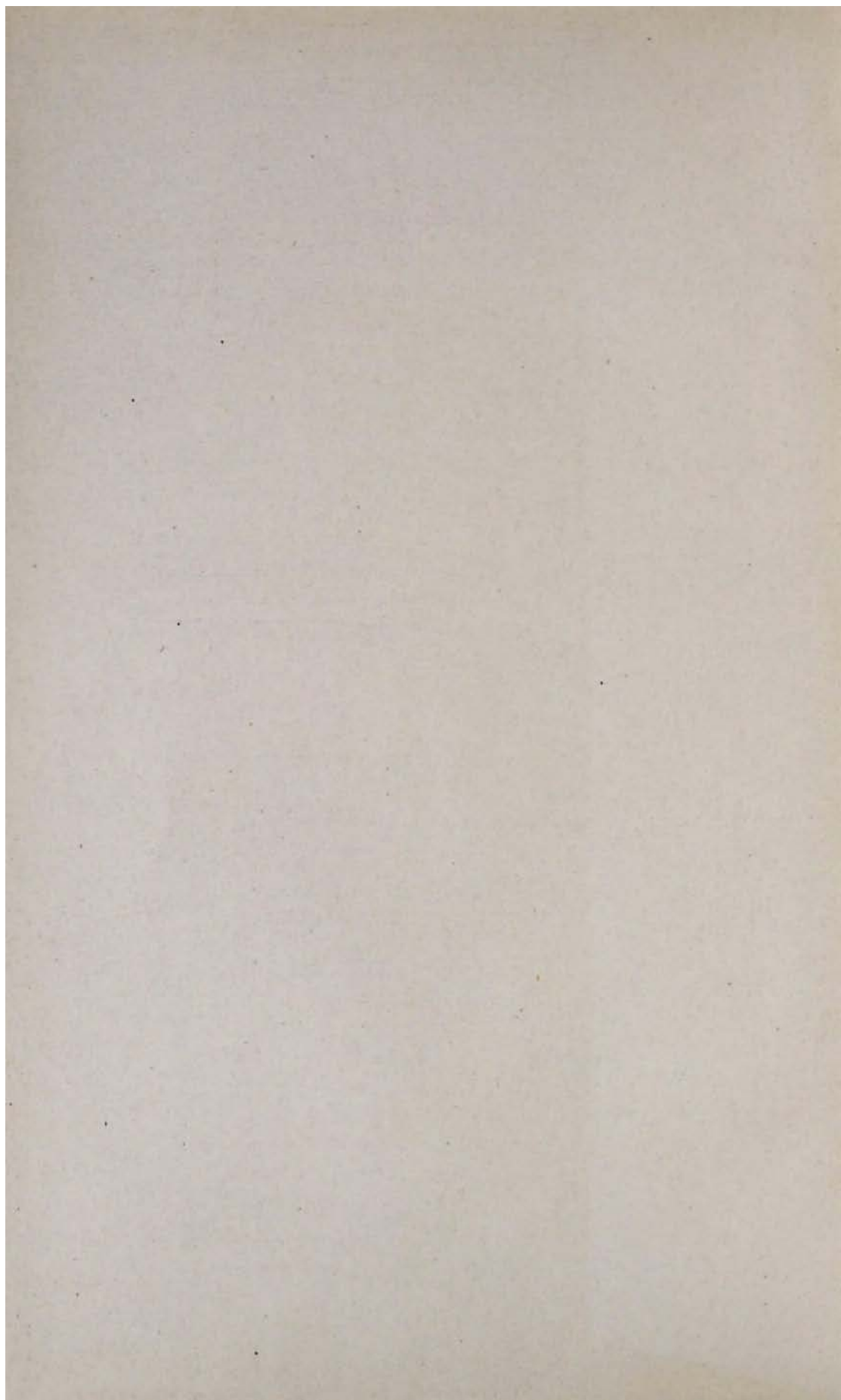
А п а д а н а

В Персеполе, после длительных раскопок, открывших большое количество дворцовых помещений и среди них несколько роскошных колонных зал-ападан, раскрывается получивший широкую известность грандиозный архитектурный ансамбль. Величественные залы сложившегося здесь ансамбля служили для торжественных аудиенций ахеменидских царей.

Ападаны Персеполя, среди которых ападана Дария I и знаменитый стоколонный зал, занимающие соответственные (62,5×62,5 м и 75×75 м) площади, являлись выдающимися светскими монументальными сооружениями древнего мира.

⁵⁰ Перевод В. Н. Абаева.

Хотя и в основном известны ападаны Пасаргады, Персеполя и Суз, однако эти монументальные архитектурные сооружения были также воздвигнуты в Экбатанах — Артаксерксом II, а может быть до него и Дарием (судя по хамаданским табличкам) — и в Вавилоне в виде пристройки к южному дворцу Навуходоносора. Много общего между храмом Амона, воздвигнутом Дарием в Хибисе — в Великом Оазисе (Кхарчах) в Египте и его дворцом-резиденцией в Персеполе. В ападанах Ирана выдающаяся роль принадлежала скульптуре, барельефам, богато украшавшим грандиозное строение.

Именно ападана, а не культовая постройка, была ведущей формой архитектуры ахеменидского Ирана, и именно ападана стала доминирующей постройкой в реконструированной цитадели Эребуни.

Раскопанной здесь 30-колонный зал (29×33 м) является, так же как и ападаны Персеполя, самым большим среди исследованных зданий цитадели (рис. 40а). Надо полагать, что построенная на цитадели Эребуни ападана также служила для торжественных официальных приемов и, видимо, в связи с этим также отличалась богатством архитектуры своих внутренних форм. Кроме того, одна только эта ападана, не считая остальных помещений цитадели, могла свободно вместить две-три тысячи человек. Размер ападаны в связи с этим в определенной мере отражает значимость Эребуни для ахеменидского Ирана.

Историко-архитектурное значение раскапываемого на цитадели Эребуни колонного зала-ападаны весьма значительно. Он представлял дворцовый зал, также предназначенный для парадных торжественных церемоний, хотя по своему богатству и изысканности форм значительно уступал ападанам Персеполя.

Как уже указывалось, ападана Эребуни создана путем последующей пристройки части здания с 18 колоннами к уже существовавшему портику урартского храма, имевшего 12 колонн. Обе эти части ападаны резко отличаются друг от друга и кладкой стен, и базами колонн. Находки обломков урартской керамики не могут служить основой для датировки всего сооружения в целом, так как они были выявлены в земляных завалах крыши или в нивелирозочной засыпке пола.

Ападана на цитадели Эребуни не была одиноко стоявшим зданием; к ней, кроме большого зала, примыкал ряд различных по величине подсобных помещений. Часть из них также образована путем пристроек и перестроек и закладок старых дверей. Все это очень определенно выявляется раскопками (рис. 40а, 40б).

К этому комплексу ападаны примыкали и другие помещения, созданные путем перекрытия пространств, существовавших между южными стенами комплекса и стенами соседних сооружений. На одном участке коридора была обнаружена перегородка в его поперечном направлении.

Сохранившиеся остатки этого комплекса сделали вполне возможной реконструкцию его центрального помещения — колонного зала. Наша реконструкция дает некоторое представление о былом архитектурно-

пространственном построении ападаны, но так как мы не имеем материала для реконструкции внутреннего ее убранства, то показали только общие архитектурные формы ападаны без деталей; условной является и высота стен, поскольку их наибольшая сохранившаяся высота не превышала 4 м (рис. 45).

В колонном зале, у его южной стены, был обнаружен хорошо сохранившийся жертвенник, сложенный из сырца-кирпича на высоту 86 см от пола. К нему с обеих сторон примыкают скамьи, которые устроены по всему контуру колонного зала. Жертвенник возвышается тремя ступенями и имеет гладкую плоскость фасадной стены. Строгие, лаконичные формы жертвенника хорошо вырисовываются в интерьере зала. На жертвеннике были обнаружены сохранившиеся зола и угли, а на прилегающей стене — следы копоты. Очень вероятно, что этот жертвенник был связан с культом зороастризма (рис. 43).

Пространственное построение арин-бердской ападаны характеризуется множеством колонн, от которых на месте раскопано 26 плит из общего числа 30-ти от баз деревянных колонн, расположенных в пяти рядах по шесть в каждом из них. Расположение плит показывает точную разбивку колоннады, поскольку почти нигде не отмечены отклонения от размера 4,10 м⁵¹ или установленного расстояния между осями колонн. В этом, однако, ахемениды придерживались уже существовавшей разбивки колонн в портике урартского храма. Что касается диаметра колонн, то этот размер удалось установить на месте по кладке из мелкого булыжника, некогда прижавшегося к стволу колонны в части базы, так и сохранившейся после ее извлечения.

Капители этих колонн в реконструкции показаны в виде абак, как самых элементарных из всех возможных для них форм.

Принятое в нашей реконструкции плоское перекрытие для колонного зала, судя по деревянным колоннам, не вызывает сомнения. Кроме того, на месте обнаружено много жердей и камыша, которые при раскопках урартских памятников всегда указывают на применявшееся тогда плоское перекрытие.

Для правильного представления о внутренней пространственной форме зала важно было выявить систему естественного освещения. Вполне возможно, что здесь применялись обе известные системы — верхнебоковые и через ердык, т. е. отверстие, устроенное в потолке. Окна, устроенные в верхней части стены, не могли бы достаточно осветить весь колонный зал, имеющий глубину 29 м.

Наконец, существование ердыка в зале косвенно подтверждается наличием жертвенника у юго-восточной стены, для которого нужна была вытяжка дыма.

Поскольку вопрос естественного освещения зала остается невыясненным, в нашей реконструкции оконные проемы не показаны. Но вместе

⁵¹ Этот размер — 4,1 м — равен 8 локтям при величине 51,5 см, что незначительно отличается от урартского локтя 51,8 см.

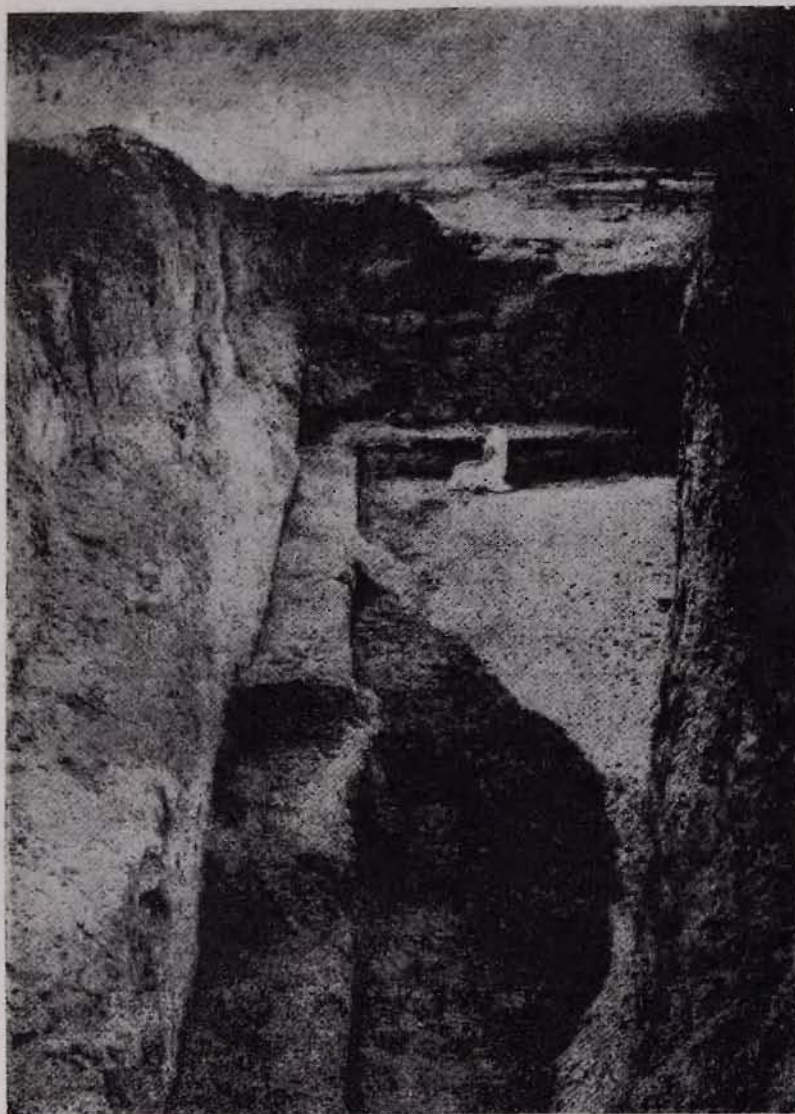

Рис. 43. Ападана. Жертовник

с тем, нам кажется, трудно согласиться с существующим мнением о том, что в персепольских ападанах, в частности в столонном зале, освещение производилось факелами. Мелкая пластинка деталей персепольских ападан и в первую очередь формы своеобразных капителей, рассчитанные на обозрение с расстояния, не могла находиться во мраке, тем более, что величественные интерьеры ападан были рассчитаны на свою блестящую и пышную изысканность. Рассматривая вопрос об освещении ападан, А. Пооп считает, что поскольку средние части их пола были выше боковых, то аналогичным должно было быть и их перекрытие. Таким образом, А. Пооп имеет в виду базиликальный разрез, который, как известно, нашел свое соответствующее решение в гипостильных залах египетских храмов.

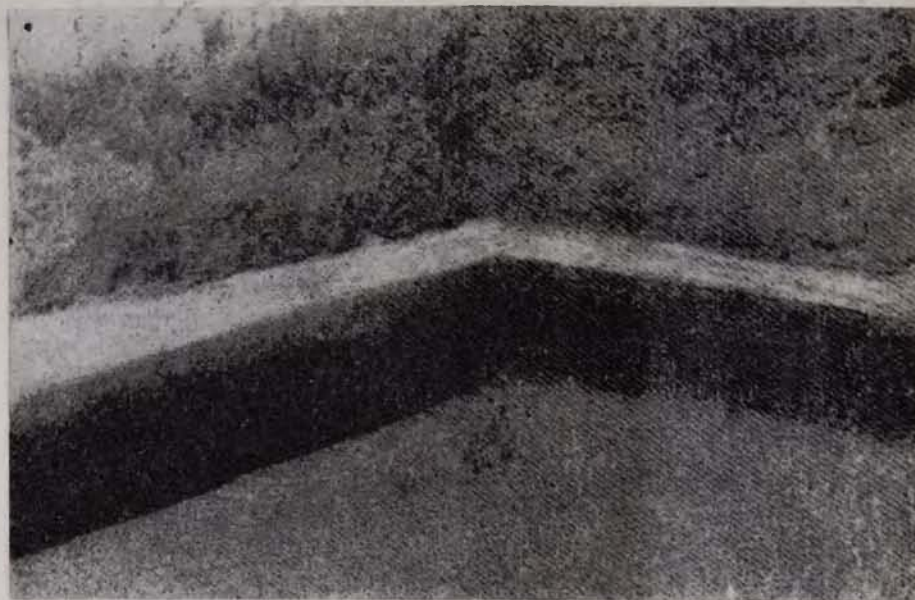

Рис. 44. Ападана. Северо-восточный угол

В колонном зале Эребуни следов декоративного убранства обнаружено не было; по-видимому, здесь отсутствовали и росписи на стенах, выкрашенных, так же как и храм, в ровный синий цвет. В толще стен устроены дверные просмы, элементом оформления которых являлись ступенчатые отступы на углах. Это оформление совпадает с оформлением урартских дверных проемов во дворце и храме Susi. Наружная дверь колонного зала, построенная в ахеменидскую эпоху, имела подобное же оформление своего проема. Здесь нет оснований считать, что этот элемент архитектурного оформления, выявленный в проеме ахеменидской пристройки, является механическим воспроизведением урартского образца. Еще в Персеполе и в гробницах Накши-Рустема для оформления ниш применялся тот же прием, и, возможно, что указанное оформление, возникнув в Урарту, через ахеменидское зодчество возвратилось обратно в Эребуни.

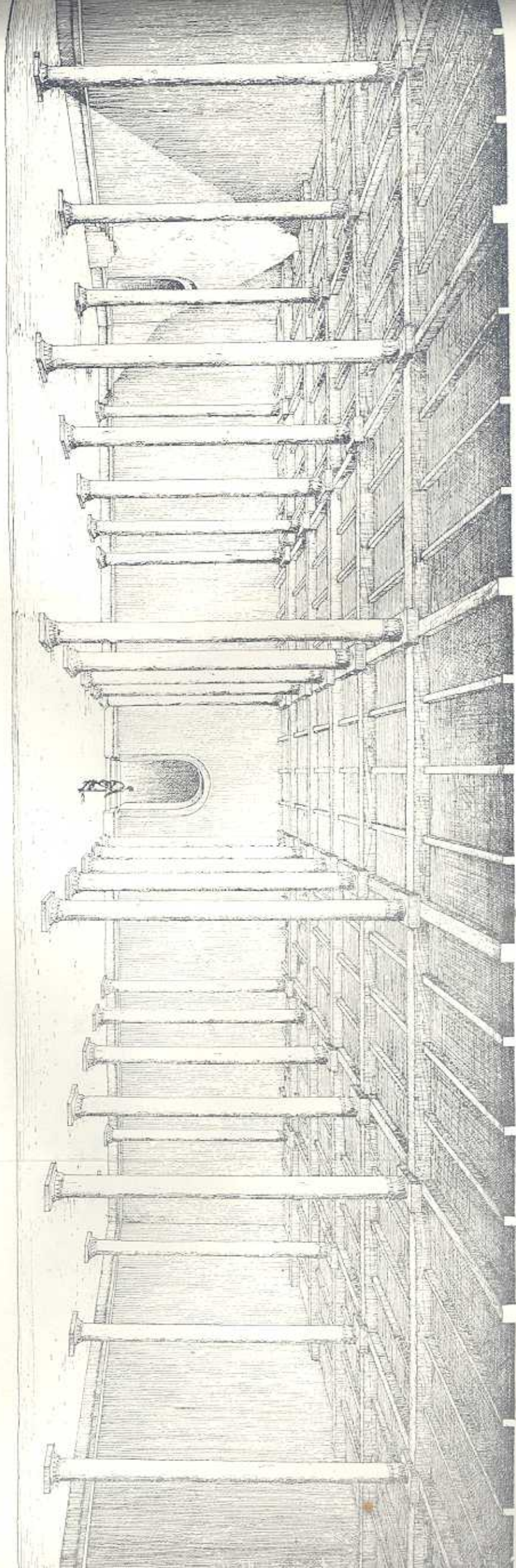
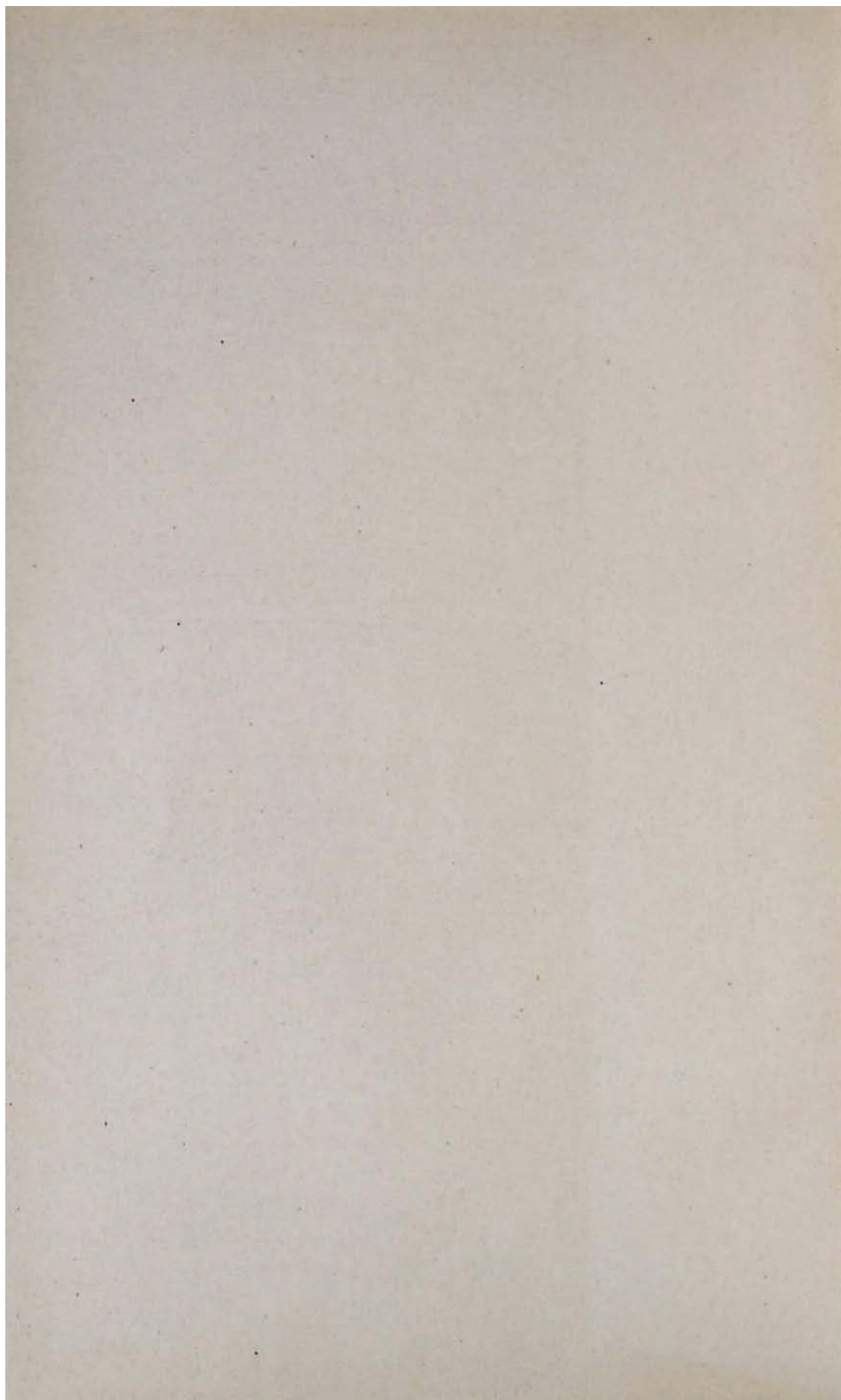

Рис. 46. Арауана, Песчiera-дель-Гарда.

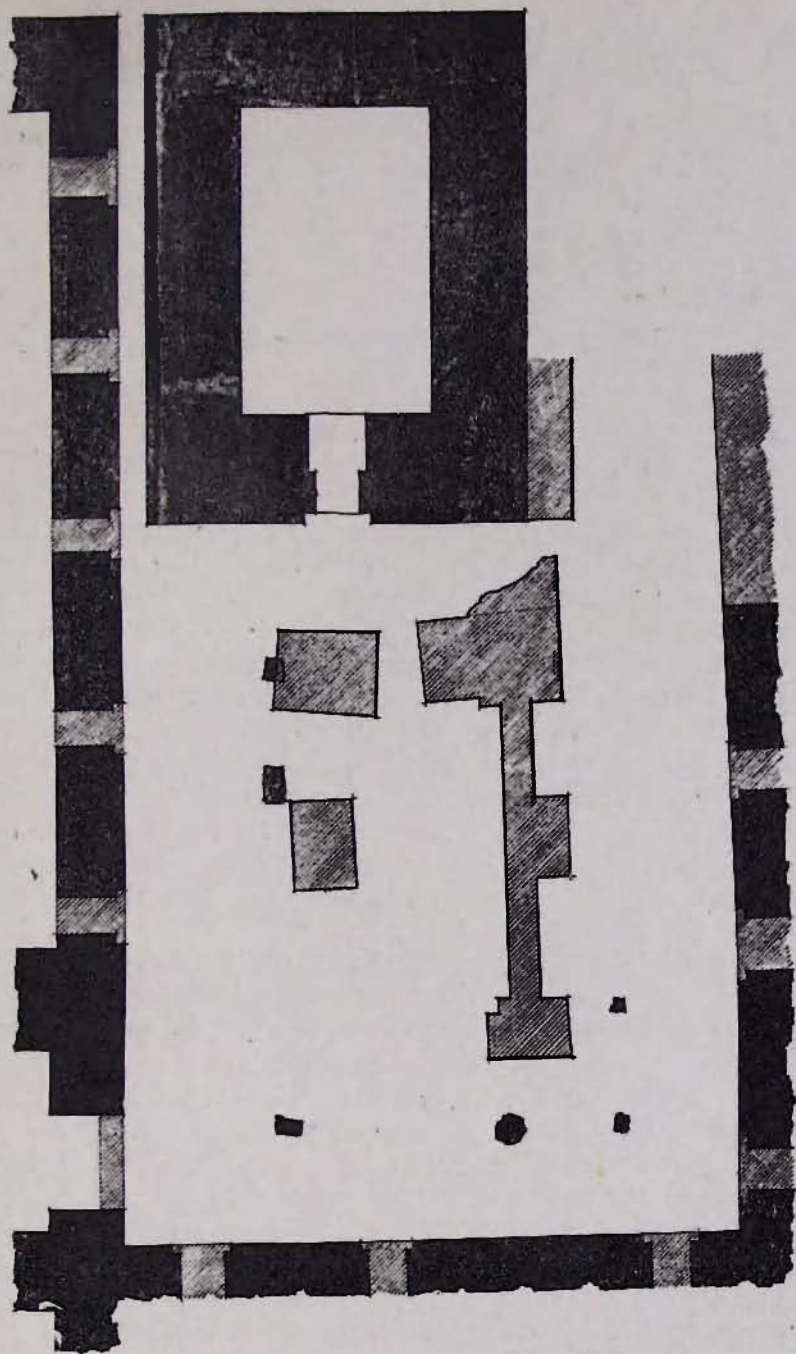

Рис. 46. Храм огня. План

Предлагаемая реконструкция колонного зала как будто не вызывает сомнения в построении его пространственных форм, имеющих четкую структуру.

Ориентировочная высота помещений в этой реконструкции принята в 6,5—7,0 м. При такой высоте помещения деревянный столб, имеющий 0,43 м в диаметре (величина зафиксирована на венце из камней на одной из баз), вполне мог быть надежной опорой для перекрытия. Принятая нами высота для колонного зала значительно меньше высоты персепольской ападаны⁵², где, по измерениям Хэймса, одни только колонны равны 19,25 м. Эта разница соразмерна площадям этих ападан: арин-бердская имсет 899 м², персепольская — 3906 м².

Таким образом, главным элементом данного пространства являются стройные деревянные колонны, ритмическое чередование которых как по фронту, так и в глубину создаст четкое композиционное построение интерьера и его пространственной границы. Колонны, обрисовывая ряды, не делили интерьер в зрительном восприятии на самостоятельные участки, а создавали единое, нерасчлененное пространство. Колонный зал характеризуется торжественностью своих широко раскинутых форм; его высокие колонны, ритмично отмеряющие пространство и создающие глубину его восприятия, раскрываясь сейчас же за мощными стенами фасада, создают контраст экстерьера и интерьера. Можно полагать, что этот контраст поражал входящего, заставляя его воспринимать все богатство архитектурных форм и, подавляя его волю, подчинял ее деспотии.

То обстоятельство, что в колонном зале при раскопках не были обнаружены балки от перекрытия и деревянные колонны, объясняется тем, что деревянные части зала еще в древности были сняты и увезены, как это обычно отмечается в ассирийских летописях, рассказывающих о захвате вражеских дворцов.

Внешняя стена ападаны была сложена из сырцового кирпича на цоколе из одного ряда базальта чистой тески и имела контрфорсы, которые придавали ей определенную мощность (рис. 41, 42). Эта стена с контрфорсами отличалась от стен построек Персеполя, где вместо выступающих контрфорсов были ниши со ступенчатым обрамлением. Можно предположить, что строителям ападаны Эребуни не был известен прием обработки стен персепольских построек, и мастера повторили традиционные урартские формы контрфорсов. В пользу этого, кроме того, говорит и другой факт, а именно, что данные стены, опоясывающие центральное помещение, не имеют внутренних пространств, что чуждо урартскому зодчеству, но широко развито в сооружениях Персеполя. Бесспорно, что эта композиция коридора, охватывающего центральное помещение Персеполя, идет от памятников месопотамского зодчества (сооружение цитадели города Ур, дворец города Мари, Дур-Шаррукин и т. д.).

Что касается теперь уже другого элемента — скамейки-приступки, расположенной по периметру зала (рис. 44), то он хорошо был извест-

⁵² «Всеобщая история архитектуры». Гос. изд. лит. по строительству, архитектуре и строит. материалам. М. 1958. Ч. 1, стр. 46.

тен, кроме Урарту (Ванская скала), и Месопотамии (храм Нарамсина в Ашнунаке, дворец Саргона в Дур-Шаррукине). В Персеполе и Пасаргадах он появляется позже. Некоторые исследователи эту скамью-приступку считают чуждой ахеменидскому зодчеству⁵³.

Рассматривая теперь некоторые, полностью сохранившиеся по своей высоте, колонны персепольских ападан, отношения диаметров которых к высоте составляет 1 : 10, 1 : 12 и болсе, согласно давно сделанному выводу, прототипом для них могли быть только деревянные колонны-столбы. Стремление еще больше увеличить эту пропорцию видно и по своеобразным капителям, система формы которых, вытягивая стволы колонн, приводит к таким соотношениям, которые еще больше соответствуют деревянным столбам.

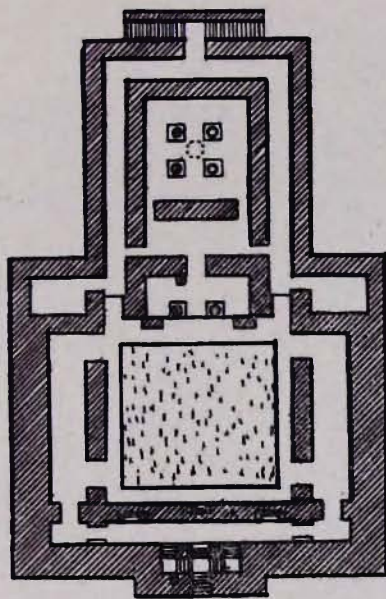

Рис. 47. Сузы. Храм огня. План

В связи с этим нам кажется устарелым имеющееся в литературе предположение о том, что в архитектурных формах ападан сказалось влияние и гипостильных залов египетских храмов. Совершенно определено, что колонны ападан, имеющие в тектоническом отношении довольно стройные и легкие построения, не могли, конечно, иметь исходными архитектурные формы гипостильных залов, с их тяжелыми и громоздкими колоннами.

Колонны гипостильных залов египетских храмов характеризуются не только своей монументальностью, но и массивностью; что касается иранских колонн, то они имеют совершенно другие архитектурные формы,

⁵³ E. F. Schmidt. The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Communications, № 21.

характерные своей легкостью. Ясно, что архитектурный образ ападан построен на прямо противоположной идее, которая породила архитектурные формы, где главным элементом пространственной композиции были деревянные колонны.

И действительно, если обратиться к изображениям древних дворцов, высеченных на лицевых сторонах скальных царских гробниц в Накши Рустаме, то можно видеть, как на этой скале запечатлены легкие деревянные архитектурные формы. Следовательно, легкие строения из дерева имели в Иране свою определенную традицию. А в этом случае представляется наиболее вероятным, что архитектурная форма ападаны зародилась и развивалась на тех территориях, где в различных проявлениях сохранились ее остатки, и там, где имелся лес — строительный ма-

Рис. 48. Храм огня. Внешняя стена камеры (Sus!)

тернал деревянных архитектурных форм. Такими странами древнего Востока могут быть, кроме Ирана, Мидия и Урарту.

Сказанное, как нам кажется, подтверждается результатами раскопок, проведенных за последние годы на территориях древних государств Урарту и Ирана. Этими раскопками открыты характерные жилые и дворцовые помещения, различные по своим размерам и плановым решениям.

Как и эти помещения, почти все дворцовые помещения Персеполя имеют колонны, поддерживающие плоское перекрытие, что, очевидно, вошло в систему построения внутреннего пространства ахеменидских сооружений. Это доказывается дворцовыми помещениями с двумя, тремя, четырьмя, пятью, шестью, восемью, десятью колоннами. Так, по мере арифметического возрастания числа колонн можно дойти до числа колонн ападан. При этом нетрудно также заметить, что по мере увеличе-

тия числа колонн дворцовых помещений все более приближаются к плановым решениям ападан. При этом во многих случаях эти плановые решения, большей частью основанные на принципах симметрии, отличаются строгостью своего построения.

Из общей массы этих сооружений, в частности воздвигнутых на персепольской террасе, выделяются ападаны Дария I и столонный зал, близкие друг к другу по своей плановой композиции.

Предложение А. Поппа вывести тип ападан из Бит-хилани несовместимо с данным объяснением⁵¹, и, как нам кажется, такая трансформация архитектурной формы Бит-хилани невозможна.

Быть может, однако, это предположение применимо для монументальных портиков, которые получили свое блестящее завершение в апа-

Рис. 49. Храм огня. Наружная стена двора с контрфорсами

дане Дария I. Что касается главного фасада ападаны Эрбуни, то здесь, в отличие от обычных портиков, столь характерных для ападан Персеполя, выступают мощные стены с контрфорсами, обычные уже для построек Урарту.

Из всего этого можно заключить, что архитектура ахеменидских ападан возникла не под влиянием египетских гипостильных зал, а на основе постепенного развития внутренней пространственной формы жилого дома, в основе которой изначально было минимальное количество колонн. Многоколонный жилой дом хорошо был известен как верхней Мидии, так и Урарту, что показали раскопки последних лет в селе Арагац, в городе Тейшебаини и в самом Эрбуни. Среди обнаруженных здесь поме-

⁵¹ А. У. Поппе. Указ. соч., стр. 316—317.

щений также можно отметить различное количество установленных в них колонн.

В связи с этим можно думать, что помещения с колоннадами, которые, с точки зрения своего развития, возможно, явились изначальной для ападан формой, зародились прежде всего в богатой лесом стране Урарту⁵⁵. Что касается портиков ападан, имея в виду формы Бит-хилани, мы, однако, снова обращаемся к урартскому жилью, где также видим возможную исходную точку для этой монументальной формы. В частности, в жилищах города Тейшебаини нередко встречаются крытые части дворов, древние традиции которых, вероятно, были исходной формой для храмовых портиков, в частности для портика храма бога Халди в Эребуни.

Урартское зодчество, раньше Ирана вступившее на путь своего исторического развития, успело, следовательно, раньше создать свои монументальные формы. В то время, когда в ахеменидском Иране возводились великолепные архитектурные постройки с помощью мастеров сопредельных покоренных стран с широким использованием их вековых строительных традиций, такое заимствование не может казаться удивительным. По-видимому, этим и объясняется такое быстрое развитие ахеменидской архитектурной культуры, вобравшей в себя все лучшие архитектурные традиции прошлого, искусства сопредельных стран. Быть может, им объясняется отсутствие экспериментального периода становления ахеменидской архитектуры, для которой изначальным периодом пока все остаются руины Пасаргады, но также представлявшие развитую стадию архитектуры Ирана. В этом смысле примечательны наблюдения Г. Франкфорта, по которым в Пасаргадах все основные помещения имеют продолговатую форму, в то время как в Персеполе преобладают квадратные формы плана. Если эти наблюдения хоть сколько-нибудь отражают генетическую сторону вопроса, то в этом случае мы будем иметь еще одну связующую нить персепольских ападан с архитектурами Урарту—Двуречья.

Большой храм огня

Как показали исследования средней части дворца Эребуни, там, так же как и в предыдущем здании большого храма, ахеменидами были произведены строительные работы, коренным образом изменившие плановую композицию сооружения. И на этом примере можно видеть, что строители в ахеменидский период не просто приспособлялись к старым постройкам, а путем основательных реконструкций фактически создавали новые по тематическому замыслу архитектурные сооружения. Что касается урартской основы — первоначальных построек цитадели, — то они их сохраняли в определенных габаритах, подчинив новой постройке.

⁵⁵ Раскопанный в Двине многоколонный зал (К. Г. Кафадарян), судя по своей архитектуре, имеющий некоторую общность с арин-бердской ападаной, видимо, характеризуется иной генетической связью. По всей вероятности, этот памятник надо отнести к арабской культовой постройке типа мечети Омаядов в Дамаске, что соответствовало бы и всему ходу исторической жизни Двина начала VIII в.

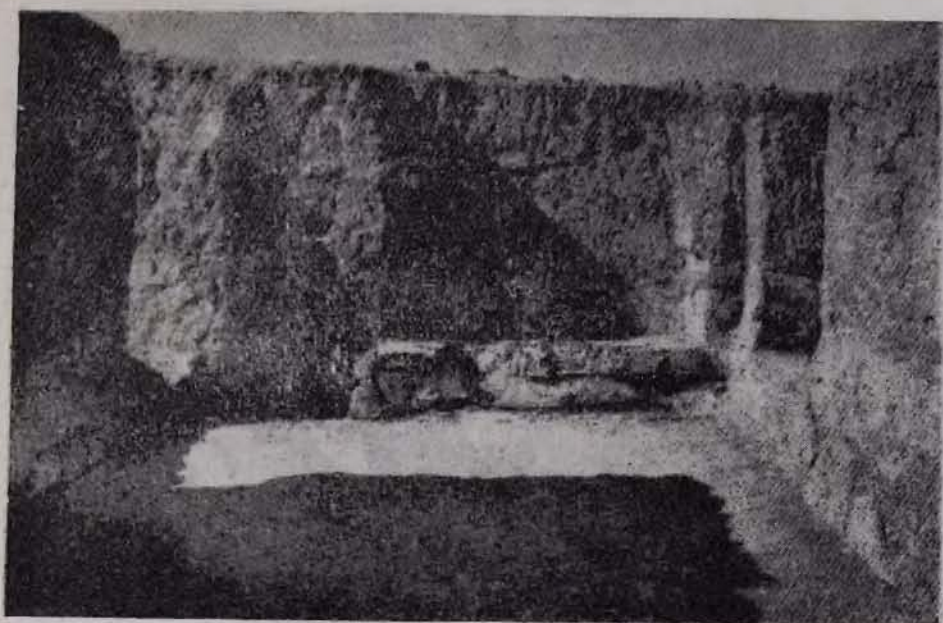

Рис. 50. Малый храм огня Зал с нишами

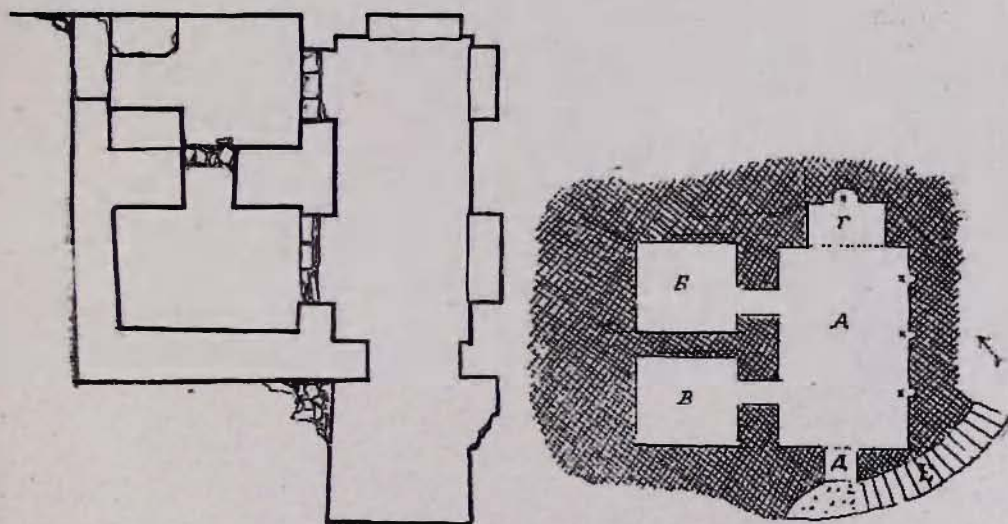

Рис. 51/52. Малый храм огня. План

Перестройка средней части дворца, произведенная в широком масштабе, как показали раскопки, коснулась всей территории перистильного двора, включая и стены помещений, выходящих на площадь двора. Установлено, что до начала перестройки были снесены портики двора.

На территории двора были возведены новые стены, перемещены базы колонн, заложены входные проемы из прилегающих помещений.

Путем сноса означенных деревянных строений двора в его среднечастной раскрывалось большое внутреннее пространство размером 17×19 м, заключенное с трех сторон между стенами двора, а с западной стороны ограниченное главным фасадом храма (рис. 46).

Раскрытое пространство подвергается новой перепланировке. Прежде всего закладка выходящих сюда дверных проемов сделала это пространство изолированным от остальных помещений дворца, для которых ранее перистильный двор являлся проходным.

Единственным входом в реконструированную среднюю часть дворца явился проем, образованный между северо-восточной стеной дворца и храмом. В связи с этим прежний парадный урартский вход во дворец со стороны площади цитадели оказался закрытым. Таким образом, плановая композиция дворца в части графика движения оказалась совершенно преобразованной. Теперь уже ограниченным продолжением раскрытого двора становится внутреннее пространство храма Susi, на основе которого создается новая ахеменидская постройка, получившая довольно четкое плановое выражение. Согласно этому новому решению была воздвигнута каменная стена, вплотную прилегающая к северному фасаду Susi. Эта стена была возведена на уровне 0,4 м выше фундамента храма с северной его стороны, что говорит о большом слое наносной земли, имевшейся здесь к моменту указанной реконструкции (рис. 48). Различие горизонтов фундамента храма и пристроенной стены не вызывает никакого сомнения в том, что стена была пристроена значительно позже храма. Стена эта, продолженная в самом дворе, делит его в продольном направлении на две неравные части; меньшую — северную и большую — южную, непосредственно находившуюся перед храмом. Большой двор оказался внутренним, поскольку ограничивающая его стена с обратной или с северной стороны выявлена с контрфорсами (рис. 49). В этот двор ведут с северной части два входных проема: один — узкий, шириной в 0,9 м, находящийся в стене непосредственно у храма, а другой — широкий, в 2,4 м, на противоположном конце той же стены. В самом дворе, на расстоянии 1,2 м от фасада Susi и по его оси, был установлен растянутый в поперечном направлении пилон, преграждавший вход в храм. С северной стороны от стены с контрфорсами навстречу этому пилону выступал полупилон, образующий проход.

Таким образом, непосредственно перед храмом Susi было возведено помещение, установленное поперечно. Оно было крытым, на что указывают найденные здесь остатки жердей и камыша, являвшихся частями плоского земляного перекрытия. Остальная часть замкнутого пространства, по-видимому, оставалась открытой, представляя двор.

Открытое здесь, в средней части двора, непосредственно у храма, сооружение имеет, как нам кажется, важное значение для определения функционального назначения двора, а следовательно, и всей постройки в целом. К этому сооружению относится прямоугольный в плане постамент высотой 0,7 м, выложенный из базальта на глине. В его южной стороне лежит базальтовый камень с высеченными на нем двумя ступенями. Южнее его, под самой стеной двора, устроена скамейка длиной в 2 м, выложенная из сырцового кирпича, которая, вероятно, была связана с постаментом.

Пол между скамьей и постаментом, в отличие от других частей двора, был выложен крупными базальтовыми плитами, в то время как остальные части пола были вымощены мелким булыжником.

Нам кажется, что упомянутое здесь сооружение представляло собою место для жертвоприношений.

Таким образом, на основе урартского перистильного двора и храма Susi здесь была создана новая постройка, назначение которой, как нам кажется, легко определяется, если мы в поисках аналогии остановимся на одном известном памятнике ахеменидской архитектуры, а именно на храме огня из раскопок в Сузах⁵⁶ (рис. 47).

Общность обоих памятников — перестроенного перистильного двора и храма Susi — в Эрбунни, а также храма огня в Сузах, большая.

Обращаясь теперь к отдельным деталям плана обоих памятников, можно отметить для них наличие прямоугольных сооружений на подчеркнутых местах или на продольных осях. В нашем случае таким сооружением является храм Susi, или такое же прямоугольное в плане сооружение, как сузская камера. Там, в Сузах, в этой камере поддерживался вечный священный огонь, в соответствии с каноном зороастризма. Этот огонь никогда не должен был соприкасаться с лучами солнца или даже с дневным светом. Камера эта была ядром храма огня и, следовательно, его самым священным местом. Именно поэтому камера сузского храма огня была с внешней стороны ограждена дополнительной стеной, заложеной параллельно трем ее стенам, с коридором между ними, с целью большей защиты неприкосновенности данного священного места.

На Арин-берде такой коридор имелся с южной стороны храма Susi. Проследить его продолжение на запад не удалось, так как здесь холм сильно разрушен. Что касается северной стороны, то тут ограждающая камеру стена оказалась приставленной непосредственно к боковой стене Susi, однако без оставления коридора. Такой план храма огня с окружающим коридором, по-видимому, являлся выработанным типом. Так, спустя много веков эту плановую схему почти пунктуально повторяют согдийские храмы Средней Азии⁵⁷.

Во внутреннем помещении храма Susi был обнаружен очень толстый зольный слой, покрывавший весь пол храма на высоту 0,2—0,3 м.

⁵⁶ E. Schmidt. Persepolis. 1957, стр. 29—36.

⁵⁷ «По следам древних культур». Гос. изд. культурно-просветительной литературы. 1951. А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикенд, стр. 240—250.

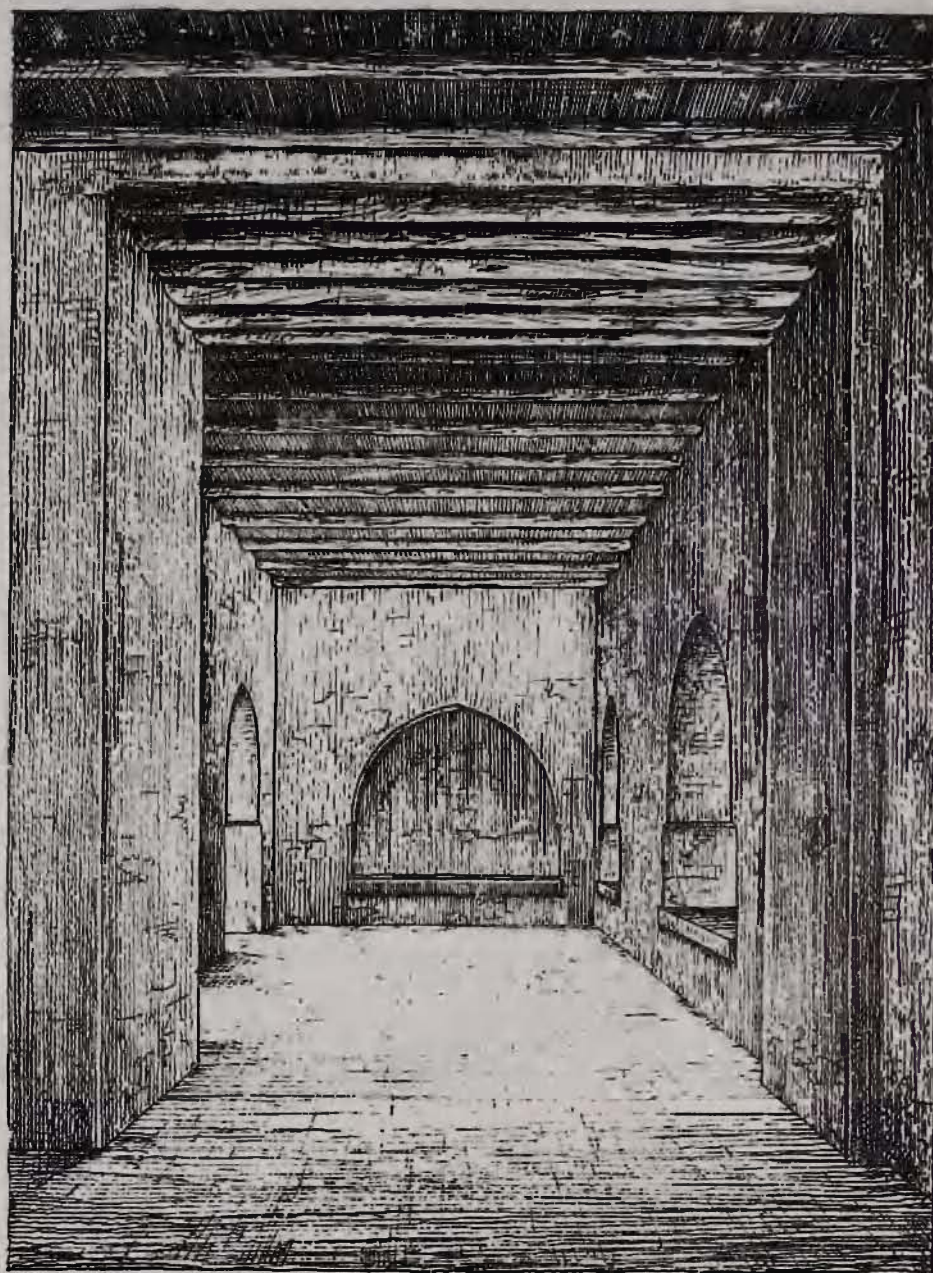

Рис. 53. Малый храм огня. Реконструкция зала.

Вначале могло казаться, что это следы пожара, происшедшего в здании, однако в золе не оказалось обугленных остатков дерева, как это обычно бывает после пожара. Чистая зола, обнаруженная в храме Susi, не оставляет сомнения в том, что она являлась остатками жертвоприношения и была собрана с алтаря.

В Сузском храме огня, в расположении дверных проемов по фасаду камеры и его стен в ее глубине, замечается их шахматная расстановка, что имело целью преградить проникновение лучей солнца или дневного света в эту камеру священного огня.

Аналогичное устройство дверных проемов было и при перестройке участка перед Susi. Однако, поскольку здесь уже существовала дверь в храм, для достижения такого же расположения проемов пришлось исходить уже от существовавшей двери. Для этого пришлось соорудить пилон, который и был установлен перед входом в храм Susi, а по обе стороны пилона были оставлены дверные проемы.

Кроме того, как показало исследование, храм имел двойные двери, устроенные в толще фасадной стены. Совершенно ясно, что необходимость в двойных дверях определялась все тем же желанием оградить внутренность камеры от проникновения дневного света при открывании дверей.

Как видно, коренная перестройка этого участка дворца все же не смогла до конца приблизить урартскую постройку к ахеменидскому типу храма огня. Однако строители стремились в данном случае сохранить основные принципы храма огня, а не дагь копию какого-либо существующего храма. Кроме камеры и крытого перед ним помещения, вся остальная часть двора оставалась открытой. Можно утверждать, что двор являлся местом для культовых церемоний, судя по выявленному в его средней части комплексу алтаря, скамьи и др. Этот небольшой комплекс представляется нам именно алтарем под открытым небом, какие сохранились от ахеменидской эпохи Ирана в Пасаргадах, Никши-Рустеме близ Персеполя и т. д.

Правила устанавливать алтари на высоких холмах находят соответствующие условия здесь, в Эребуни, цитадель которого возвышалась над окружающими холмами.

Алтарное сооружение являлось основным атрибутом культовых церемоний ахеменидов посвящения священному огню. До нас дошли некоторые, хорошо сохранившиеся, формы этих алтарей и ряд их изображений на рельефах сасанидских монет. Как отмечает К. В. Тревер, исходя из хронологической последовательности этих монет, форма аташдана — жертвенника огня — все меняется с течением времени. Так, видимо, ранней формой был алтарь, обнаруженный близ Пасаргад⁵⁸. Он представляет собой мощный постамент, сложенный из камня, и имеет кубическую

⁵⁸ Albert Malet. *L'antiquité L'orient. Le Grèce*. Rome—Paris. 1919, p. 120. Олмстэд допускает, что эти пасаргадские жертвенники огня были посвящены Анахит и Ахурамазде. Rogarg, под влиянием Страбона, расположен считать эти места богослужениями в честь огня и воды. E. Schmidt. *Persepolis*. Chicago, 1957, p. 22.

форму с уступчатым завершением и лестницей, ведущей на площадку, где возгорался священный огонь.

Таким примерно и является упомянутое алтарное сооружение Эребуни.

Как здесь, так и в Пасаргадах сам алтарь никак не оформлен. Этим он отличается от персепольских алтарей, которые имеют декоративные аркады на полуколонках с лицевых сторон. Между тем возможно, что последние не очень отличаются по времени своего строительства, если принять утверждение Деляфуа об эпохе персепольских алтарей.

Что касается жертвенников, изображенных на реверсах сасанидских монет, то между ними можно отметить большое различие. Жертвенники, или аташданы, изображенные на монетах, хотя и различаются по своей форме, однако все они имеют вид колонн, круглых или прямоугольных в сечении, установленных на ступенчатом основании и несущих плиты, на которых установлены жаровни для священного огня, указанные во всех случаях⁵⁹.

Таким образом, раскопки центральной части дворца Эребуни показывают редкий случай архитектурного перевоплощения урартского храма Susi и примыкавшего к нему перистильного двора в ахеменидское культовое сооружение — храм огня.

Эпоха возникновения ахеменидских храмов огня совпала в Иране с большой религиозной борьбой в стране. Борьба шла с целью установления в религии ахеменидов, взамен почитания древних племенных богов Ирана, культа Ахурамазды, великого бога неба. Эта борьба, в конечном счете приведшая к религиозной реформе в стране, в своем позитивном смысле означала, как заключает акад. В. В. Струве, укрепление центристических сил державы⁶⁰.

Эту борьбу начал Дарий I, завершил же ее его сын Ксеркс, о чем рассказывает известная надпись Ксеркса из Персеполя, найденная Э. Херцфельдом и изданная им в 1937 г. В этой надписи, известной в литературе как надпись о дэвах, говорится: «...Затем волею Ахурамазды я те капища дэвов разрушил и издал запрет: дэвы не должны почитаться. Где раньше дэвы почитались, там я Ахурамазду почитал и именно через право (арто), через священный огонь».

Таким образом, можно полагать, что вопрос касается весьма коренных мероприятий, поскольку разрушениям подверглись не только религиозные принципы, идеи, но и сами архитектурные сооружения. Приведенные в этих надписях сообщения о разрушении Ксерксом храмов дэвов вполне соответствуют действиям предшественника Дария I — мага Гауматы, который также разрушал храмы, по-видимому, тех же древних племенных богов Ирана⁶¹. Об этом говорится в Бехистунской надписи,

⁵⁹ К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет, стр. 266—267.

⁶⁰ «Советское востоковедение». V. М.—Л. 1948. В. В. Струве. Родина зороастризма, стр. 12.

⁶¹ И. М. Дьяконов. История Мидии. АН СССР. Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР. М.—Л., стр. 43.

где храмы, разрушенные магом Гауматой, названы Айхаданами, из чего надо заключить, что Айхаданы, или Айаданы, и были храмами древних племенных богов Ирана.

Что касается надписи Ксеркса, говорящей о дэвах, то мы берем под сомнение необходимость дословного понимания его сообщения о разрушении упомянутых храмов. Нам кажется, что, уничтожая почитание дэвов, Ксеркс не разрушал храмы до основания, а коренным образом их перестраивал, приспособляя к новым целям. Такое предположение прежде всего обусловлено идентичной формой ритуала для многих древних племенных богов Ирана, где вечный священный огонь почитался задолго до ахеменидов и требовал в таких случаях соответствующих зданий. Ведь известно, как об этом сообщает ученик Аристотеля Евдемий Родосский (V в.), что все иранские племена поклонялись в древности богу Зрвану — отцу Ормузда и Ахримана—доброго и злого, светлого и темного начала⁶². Аналогичный вывод о том, что если Ксеркс, издавая повеление почитать Ахурамазду через «священный огонь», не мог одновременно уничтожать места почитания огня, мы находим у акад. В. В. Струве, который, однако, приходит в связи с этим к мысли, что храмы дэвов не были местом почитания огня. Этим он опровергает выдвинутое В. Херцвельдом предположение о тождестве храмов огня и храмов дэва. Но, как нам кажется, дело именно в том и заключается, что Ксеркс не разрушал эти храмы до основания. Так, Ксеркс говорит: «Где раньше дэвы почитались, там я Ахурамазду почитал и именно через право, через священный огонь». Следовательно, Ахурамазда стала почитаться там, где раньше почитались дэвы, т. е. на месте старых храмов. Этого не отрицает и акад. В. В. Струве, когда он пишет, что «из точного смысла приведенных строк надписей следует, что Ксеркс, разрушив капища дэвов, не воздвигнул какие-нибудь другие здания, а на месте, очищенном от капища дэвов, стал почитать Ахурамазду «через право, т. е. через священный огонь»⁶³.

Остается лишь непонятным, почему ахемениды, разрушая храмы дэвов, почитание культа Ахурамазды проводили на местах уничтоженных старых богов? Подтверждение предположения о том, что после разрушения капищ дэвов Ксеркс не возводил новых строений, акад. В. В. Струве видит в том, что всегда любивший подчеркивать свою строительную деятельность Ксеркс на этот раз умалчивает о ней. Следовательно, на старых местах новых храмов он не строил. Такое предположение вполне соответствует сведениям Геродота о том, что ахемениды не строили ни храмов, ни алтарей, а тех, кто это делал, они упрекали в глупости. По-видимому, прав акад. В. В. Струве, считая, что Геродот мог говорить

⁶² Цнт. по К. В. Тревер. Отражение зороастризма в искусстве. Государственный Эрмитаж. Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Т. I. Л. 1939, стр. 244—245.

⁶³ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. I, № 3. Академик В. В. Струве. Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов, стр. 136.

так об ахеменидских алтарях, поскольку в его понимании, как грека, они очень отличались от алтарей греческого культа. Нам кажется, что это замечание приемлемо и по отношению к ахеменидским храмам, поскольку в понимании грека и они не могут представляться храмами. Ясно, однако, что храм огня в Сузах в архитектурном отношении представляется как вполне законченная форма. Следовательно, ахеменидский храм в Эребуни, как повторение Сузского храма, являлся свидетельством уже выработанной формы храма.

Теперь становится понятным, что если Ксеркс, разрушая храмовые здания старых племенных богов Ирана, не возводил на их местах новых крупных сооружений, достойных упоминания, то, по-видимому, это не связано с отсутствием храмов как таковых в культовых обычаях ахеменидов. Нам кажется, что Ксеркс, уничтожая почитание дэвов, на прежних местах их культа полностью не разрушал наличные там архитектурные памятники, а перестраивал их. Реконструкция урартского храма Susi в Эребуни в храм огня является хорошим примером приспособления старой постройки к новым целям.

Подобную картину мы наблюдаем и в древней Армении, где, по сведениям летописцев, при объявлении христианства официальной религией государства, в стране разрушались все старые языческие храмы. Между тем, как показывают новейшие исследования, многие из них не были разрушены до основания, а пережили только реконструкцию.

Спустя несколько столетий, уже в I веке до нашей эры, мы видим, как Страбон называл храмами многие иранские сооружения в Каппадокии, которые представляли собой ограды, опоясывающие местность, посредине которой возвышался алтарь для жертвоприношений.

Вероятно, такие «храмы», которые Страбон видел и в других местах Каппадокии (Анахиты, Омана), имели долгую жизнь, что можно видеть на примере Сураханского храма огня близ Баку (последний жрец его парс из Бомбея вернулся в Индию в 1880 г., когда ему наскучило, наконец, одиночество). И здесь в Сураханских «Атешгах», в жилище огня, святилище помещено в средней части застроенного по контуру двора. Надо полагать, что этот храм, основанный на месте древнейшего зороастрийского храма, в своей плановой композиции повторял его⁶¹.

Однако, во всех случаях, там, где стояли алтари священного огня, для почитания культа Ахурамазды находились также помещения, в которых поддерживался этот огонь, полностью изолированный от дневного света.

Таким образом, очевидно, что место почитания Ахурамазды имело темную камеру и огражденное пространство для священного огня. Нам кажется, что выразителем их единого архитектурно-пространственного построения представляется храм в Сузах, который является результатом объединения двух различных пространственных построений с точки зрения их функциональных задач: камеры и двора.

⁶¹ С. Б. Ашурбейли. Об истории Сураханского храма огнепоклонников. Памятники архитектуры Азербайджана. Гос. архитектурное издательство. Москва — Баку. 1946.

Судя по некоторым примерам, историческая жизнь архитектурных форм данной культовой постройки была довольно продолжительной. Тут в первую очередь следует упомянуть храм согдийцев из раскопок в Шахристане древнего Пянджикенда⁶⁵. Плановая композиция данного, как и некоторых других храмов Средней Азии, имея большое сходство с Сузским храмом огня, безусловно говорит об их тождестве, если даже учитывать некоторые незначительные различия между ними.

Мы полагаем также, что плановое решение Сузского храма огня, являясь в архитектурном отношении вполне законченной формой, возможно могло способствовать формированию и индийских храмов, поскольку здесь наблюдается большое сходство. Имеются в виду, в частности, планы таких индийских храмов, как пещерный храм в Аянте, Каиласа в Элуре и др. Ведь известно, что в свое время в Индии жило много парсов-огнепоклонников, значит существовали также храмы огня, которые могли оказать на архитектуру индийских храмов определенное воздействие. Кроме того, устанавливаются некоторые связи индийской архитектуры времен Ашоки с архитектурой ахеменидов.

Возможно, что иранская и индийская культовая архитектура имела и иные точки соприкосновения. Возникает вопрос, не является ли столь своеобразная индийская деревянная «божественная колесница» — Вимана — каким-либо образом связанной с традицией, идущей от священной колесницы Ахурамазды, которую везла восьмерка белых лошадей несейской долины, сопровождая Ксеркса в его походе на Грецию?

Малый храм огня

Раскопки 1957—1958 гг., произведенные у стены фасада дворца (E-GAL) на расстоянии 20 м к востоку от его главного входа, раскрыли остатки примечательного сооружения. Последующие исследования памятника показали, что он был построен на месте древнего урартского здания (Agi).

Общие размеры памятника невелики. По своему внешнему обмеру он составляет 12 × 8 м и состоит из трех помещений; одно из них большое и несколько вытянутое по продольной оси, два других — меньших размеров (рис. 51).

В своем плане сооружение имеет довольно компактное построение с сообщающимися помещениями между собой, кроме юго-западного, которое, при наличии арочного просма, отделено от большого помещения низким кирпичным ограждением высотой в 0,35 м. Снаружи здание имеет глухие стены и, следовательно, надо полагать, что интерьер его освещался лишь через дверной проем.

В здании в архитектурном отношении выделяется вытянутый зал, где раскрыты четыре ниши, идентичные по форме, но различные по размерам. В этих нишах были устроены скамьи из сырца-кирпича, наподобие тех, которые мы видели в ападане, отличаясь от последних тем, что

⁶⁵ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 240—250.

они сложены заподлицо стены. Так же как и в ападане, скамьи покрывались цыновками, следы которых сохранились на месте. Ниши, как и все двери в сооружении, завершены двухцентровым арочным верхом и являются самым ранним из известных примеров данной конструкции в Армении. Наряду с этими арками перекрытие здания было плоское, деревянное, такое же, как все аналогичные урартские перекрытия, о чем свидетельствуют найденные здесь при раскопках жерди, камыш и обугленные остатки балок. В остальных помещениях никаких других архитектурных деталей не обнаружено, кроме утолщения стен в малой комнате, или камере. Не найдено также никакого археологического материала (рис. 50).

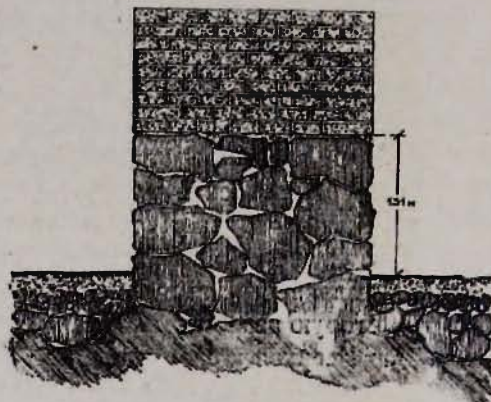

Рис. 54. Фундамент стен

Во всех помещениях сохранился слой золы толщиной около 15 см. По аналогии с описанным выше храмом огня, можно полагать, что и это здание имело подобное культовое назначение, на что прежде всего указывает зола, покрывающая все комнаты сооружения и собранная в юго-западной комнате. По-видимому, эта зола была собрана с жертвенников.

Соседнее помещение было местом, где поддерживался вечный священный огонь. Такое предположение обосновано тем, что эта камера, кроме выявленной здесь золы, имела необходимое утолщение своих стен, как основное условие для охраны святилища. Большое помещение данного сооружения предназначалось для одновременного пребывания в нем значительного количества людей, о чем говорят устроенные здесь скамейки в нишах. В связи с этим надо полагать, что именно здесь и совершались культовые церемонии.

Вход в храм был устроен с южной стороны. Хотя раскопки в этой своей части еще не закончены, однако можно утверждать, что тут имеются остатки предзального помещения.

Раскопки показали хорошую сохранность остатков храма, стены которого стояли до высоты 2 м и полностью выявляли былую архитектурно-пространственную форму сооружения. Эти стены были выложены, подобно остальным ахеменидским пристройкам цитадели, из сырца-кир-

пица, начиная от нижнего цокольного ряда. Арки в нишах, как и в некоторых дверных проемах, сохранили свои былые очертания, но в процессе раскопок быстро разрушались; удалось сохранить лишь пяты этих арок.

Между тем, при наличии арок в помещении, в процессе раскопок обнаружены, как было сказано, жерди и камыш, по которым было установлено плоское, а не сводчатое перекрытие здания, что в данном случае больше соответствовало бы выявленным здесь арочным конструкциям. Впрочем, судя по последующим примерам, это не всегда обязательно. Так, во дворце в Хатре в северной Месопотамии, в Хауране, в восточной Сирии или во внутренней Аравии, как это засвидетельствовано Вогюзом и Бутлером, имеются конструкции перекрытия, в которых несущие их арки до своей замковой части заложены кладкой; на них уже, как на балках, в продольном направлении укладывались каменные горизонтальные плиты⁶⁶.

На основании всего описанного материала удалось составить реконструкцию интерьера храма — его большого зала. Согласно этой реконструкции, зал имеет вытянутую форму, которая оживляется проемами ниш, завершенными двухцентровыми арками. Сохранившиеся остатки сооружения позволили по данным обмеров полностью восстановить помещения почти включительно до арок. Высота остальной части зала выше арок и до потолка принята на основе приемлемых соотношений для данных архитектурно-пространственных форм зала (рис. 53).

Выявленные в результате настоящей реконструкции, архитектурные формы зала с его арками в нишах, выложенными из сырца-кирпича, являлись до настоящего времени неизвестными как для урартского, так и ахеменидского зодчества. Долголетние раскопки Арин-берда, Кармир-блур и Арагаца всегда выявляли проемы, крытые балками, но не арками из кирпича, как в данном случае. И, несмотря на то, что раскопанная на Арин-берде арка из сырца-кирпича является первым наглядным примером такой конструкции, все же существование как арок, так и сводов в зодчестве Урарту известно по многочисленным другим материалам. Таким примером могут служить, прежде всего, скальные сооружения, хорошая сохранность которых полностью донесла до нас эти конструктивные формы, вырубленные в массивах скал. Арки находим и в знаменитых нишах Сардури I у Ванской скалы в виде завершения входного проема пещеры Нафткую Зым-Зымдагских гор; здесь же большой зал этой пещеры имеет сводчатое завершение, так же как и зал пещеры Ичкала⁶⁷. Кроме того, арки, или своды, видны над воротами урартских крепостей в Арзашку и Сугунии, изображенных на древнеассирийских рельефах из дворца Саргона⁶⁸.

Эти примеры дают нам полное основание предположить, что арка и свод, выраженные в каменных формах, должны были, следовательно-

⁶⁶ А. У. Роре. Указ. соч., рис. 100.

⁶⁷ Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 267.

⁶⁸ Там же, стр. 52, 54.

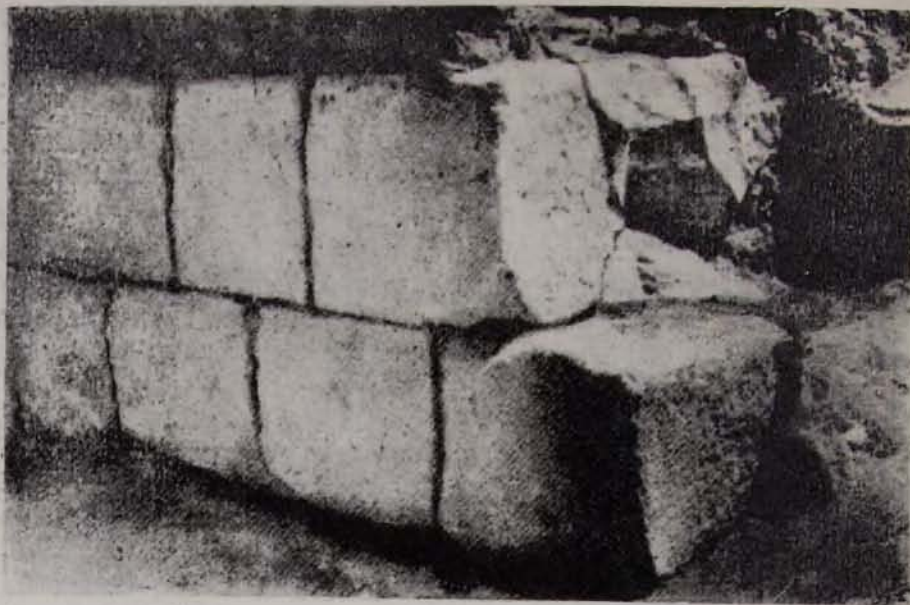

Рис. 55. Камни кубической формы стен Susi

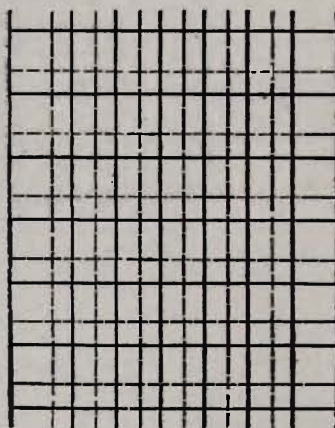
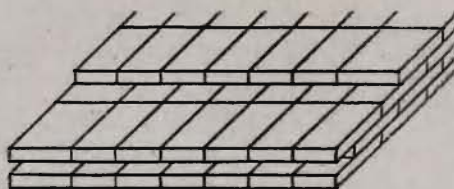

Рис. 56. Система кладки кирпичной стены

но, применяться и в другом основном для Урарту строительном материале — сырце-кирпиче.

Что касается ахеменидского зодчества, то в нем известно существование сводов, которые сохранились в раскопанных памятниках Суз и Персеполя.

Не имея конкретных данных о принадлежности арин-бердских арок к той или иной архитектуре, мы можем пока сделать лишь одно из возможных предположений, согласно которому вся строительная техника ахеменидских построек Эребуни была связана с урартскими традициями.

Обращаясь теперь к аркам храма огня Эребуни, можно видеть, что они двухцентровые и выложены на глиняном растворе из кирпича, высушенного под солнцем. Так же как в Египте и Ассирии, арка здесь укладывалась отдельными вертикальными или поперечными отрезками, поставленными на выступающие заподлицо стены горизонтальные кирпичи, прижатые к внутренней стенке ниши. Вся арка по своей толщине составляет пять таких поперечных отрезков.

Различие между арками Египта и Ассирии и аркой Эребуни состоит в том, что швы каждого поперечного отрезка арок Эребуни совпадают со швами соседнего отрезка, поскольку расположения кирпичей в них идентично.

В дальнейшем эту арку с поперечными отрезками, но в более развитом виде и уже при значительном пролете, находим во дворце парфянской архитектуры Ашура (I в. н. э.)⁶⁹.

Обращаясь теперь снова к общему плану храма огня в Эребуни, мы должны отметить очевидное отсутствие каких-либо близких архитектурных аналогий, что не должно удивлять, так как известно, что ахеменидские храмы огня в рассматриваемое время еще не выработали какую-либо постоянную и традиционную свою форму. Такой устойчивой формы в сущности не было также и в дальнейшем, как, например, в парфянскую или в сасанидскую эпохи Ирана. Поэтому храмы огня зороастраляного культа, как нам кажется, выявляются не столько по своим узаконенным архитектурным формам, сколько по различным их разрозненным фрагментам, в которых, однако, всегда отчетливо можно видеть принципы зороастризма. Здесь можно видеть формы не только местного иранского происхождения, но и идущие от архитектурной культуры Месопотамии (Парфянский храм Ашура) и греко-римского мира (храм Варга), а также формы храма «Периптер» из Ашура, храма из Истахры близ Персеполя. Что касается храма Таксилы (I век н. э., северная Индия), здесь как в фокусе сконцентрированы различные архитектурные формы. Так называемый «зиккуратт» данного храма, кроме своих месопотамских черт, определенным образом соприкасается и с «Мандапам»-ой индийских храмов. В остальном здесь видна греко-римская основа.

Тем не менее мы находим возможным в качестве аналогии к плановой композиции храма в Эребуни привести пещерное сооружение, обнаруженное в горах около деревни Сенгер в 7 км от Маку, по дороге из

⁶⁹ A. U. Pope. A Survey of Persian Art. London and New York. 1938. T. I.

Баязета⁷⁰. Сенгерский памятник также состоит из трех комнат при аналогичном плановом построении, но с незначительным отличием. Главное помещение, или зал, на продольной оси имеет выдолбленную в поперечной стене прямоугольную в плане нишу с таким же полукруглым добавлением. Справа от входа продольная стена имеет три ниши. Исследователь сооружения В. Минорский считает первую камином, а другие — очагами. Он также пишет, что подобные сооружения раньше считались остатками культа огня, «теперь же есть склонность зачислить их в область халдской (т. е. урартской.—К. О.) культуры»⁷¹ (рис. 52).

Затем, перед входом в этот памятник выдолблена в скале лестница, ведущая на устроенную над данным сооружением крышу, где имеется какое-то углубление, упоминаемое В. Минорским. Об этом углублении, как о месте, где стоял алтарь огня, говорит Е. И. Чириков, впервые описавший сенгирский памятник⁷².

Таким образом, сооружение в Сенгире, которое, согласно предположениям его исследователей, связано с культом и, возможно, даже с культом огня, оказывается аналогичным арин-бердскому. Примечательно предположение В. Минорского о том, что скальные сооружения района озера Урмия дело рук урартских мастеров. Что касается сенгирских сооружений, то он прямо указывает на известный баязетский пещерный памятник, как прототип для них, с чем, видимо, надо согласиться.

Храм из Арин-берда, где уже полностью оформилось закрытое помещение, дает возможность судить об одном из этапов формирования архитектуры храма огня. Здесь единая внутренняя архитектурно-пространственная композиция вбирает в себя камеру священного огня и место ритуала или жертвоприношений, которое в типах Сузского храма является открытым двором. Таким образом, теперь уже ахеменидский ритуал культовых жертвоприношений совершается не только на алтарях, установленных высоко в горах, как, например, у Персеполя или как до сих пор в горах над Тебризом, но и в храмовых зданиях. Причем эти храмы сооружались в виде отдельно стоящих построек или же возвышались в дворцовых комплексах (при дворце Хатре, Кух-и-ходжа в Сенстане и др.).

В то же время храмы огня типа сузского памятника продолжают свое историческое существование, сохраняя изначальную, т. е. древнюю, схему, как, например, храм Nabagases, построенный в 33 г. до н. э. Впрочем, эту схему можно видеть и значительно позже в согдийских храмах Пянджикенда, которые так сходны с плановыми композициями знаменитых мечетей Средней Азии. В связи с этим нам кажется, что Андре Годар прав, когда на основе ранних мечетей Ирана делает предположение об их соответствии храмам огня, в которых михраб заменил собою алтарь огня⁷³.

⁷⁰ В. Минорский. Келяшн стела из Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера. «Записки Восточного отделения русского археологического общества», т. XXIV, вып. I—IV, Петроград, 1917.

⁷¹ Там же, стр. 190—193.

⁷² Там же, стр. 191.

⁷³ Андре Годар. Древние мечети Ирана. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Л. 1935.